

ДЕНЬ АРХЕОЛОГА

Лучший пророк будущего — это прошлое

В последних числах июля в Институте археологии и этнографии СО РАН прошла пресс-конференция академика В.И. Молодина, руководителя Западно-Сибирского отряда Северо-Азиатской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, посвященная телемосту премьер-министра РФ В.В. Путина с ведущими археологами России. Во время телемоста премьер находился в на Троицком раскопе в Великом Новгороде. Побеседовав с участниками археологических раскопок, он пообещал, что в 2010 году государство выделит более 450 млн рублей на археологические раскопки и увеличит финансирование ряда экспедиций. Кроме этого он сообщил, что ускорит ратификацию Европейской археологической конвенции и работу над правовым регулированием археологических раскопок.

О телемосте

На подготовку телемоста ушла буквально неделя, даже меньше. Мне позволили от пресс-секретаря В.В. Путина и сказали, что мой отряд попал в число избранных. Конечно, это было приятно, но в данном случае я представлял не только свой институт и Сибирское отделение, но и большую группу профессионалов-археологов из Академии наук, вузов и музеев, работающих в Сибири. Я понимал, что от того, как пройдет встреча, во многом будет зависеть отношение руководства страны к нашей науке. Понятно, что встреча организована не случайно. По-видимому, премьер-министр озабочен как фундаментальным направлением археологии и исторической науки в целом, так и состоянием охраны и использования культурного наследия России. И эти вопросы накладывали на меня, как и на всех участников телемоста, известную долю ответственности.

Мы вышли в эфир в 17 часов по местному времени. Владимир Владимирович отметил в своем выступлении важность археологии для гуманитарных исследований, реконструкции исторического процесса, подчеркнув, что наша страна многонациональна, история разных регионов имеет свою специфику, поэтому для демонстрации были избраны пять разных археологических объектов, представляющих разновременные памятники.

Первый репортаж шел из Дагестана, из средневековой крепости Дербент. Вторым пунктом была выбрана Фанагория, античный город на Тамани, который исследуется археологами уже несколько десятилетий. Третьим стало Суздальское ополье, где ведутся раскопки славяно-русских поселений. Далее шел могильник эпохи бронзы Тартас-1 в Венгерском районе Новосибирской области, которым мы и занимаемся. И последний пункт — Капова пещера на Урале, одна из двух пещер в России, где были найдены палеолитические рисунки — древнейшие наскальные изображения у нас в стране.

На мой взгляд, в основном пункты были назначены со знанием дела. Может быть, я добавил бы к ним Денисову пещеру и Караму на Алтае — великопленные объекты, известные во всем мире. Возможно, стоило бы включить какой-нибудь объект с Дальнего Востока, где тоже есть замечательные памятники. И потом, как говорил Ленин, конечно, Дальний Восток — это далеко, но «край-то нашенький». Конечно, могли возникнуть технические проблемы — всё-таки разница во времени и т.д.

Далее состоялся разговор, в котором каждый из руководителей отрядов дал свою оценку проведенных на памятниках работ, рассказал о результатах, полученных в этом году и ранее. Нам выделили по 3—5 минут, и надо было уложиться в регламент. Затем премьер задавал вопросы, касающиеся науки и её организации. Лично меня он спросил, кто работает на Тартасе, сколько человек в со-

ставе экспедиции, как у нас обстоят дела с питанием, с деньгами, какова смета экспедиции. Я ответил, что смета — немногим более миллиона на полгода, зарплату получают по-разному: сотрудники института — одну, старшекурсники и аспиранты — другую, практикантов мы кормим, потому что полевые, которые выделяют некоторые вузы, очень маленькие, приходится добавлять свои, оформлять ребят на работу. Хотя НГУ, например, обеспечивает полевыми своими студентами. Видимо, премьеру было важно знать всю «полевую кухню».

В заключительном слове Владимир Владимирович особо подчеркнул, что археологические исследования в стране чрезвычайно важны для изучения исторического процесса, и сказал фразу давно известную, но которую всем нам было бы нелишне как можно чаще повторять: у любой страны без прошлого нет ни настоящего, ни будущего.

В завершение телемоста он пожелал всем удачи и поблагодарил за информацию. Как говорят, Владимир Владимирович пообещал выделить 2 миллиарда на археологию, и это, я считаю, очень хорошо — мы не избалованы вниманием, хотя и жаловаться тоже грех. При должной государственной поддержке сможем усилить наши работы, даже на новостройках, не говоря уже о фундаментальных проектах, которые могут быть таким образом серьезно простимулированы. Благодаря работе Приборной комиссии Сибирского отделения под руководством академика Р.З. Сагдеева у нас прекрасное оборудование, самая первоклассная техника. Но, например, химикаты стоят очень дорого, а без них палеогенетический анализ не провести. Так что дополнительное финансирование совсем не помешает.

О Тартасе

Грунтовыми некрополями в археологии называют могильники без наличия рельефных признаков — курганных холмов на поверхности. С грунтовыми могильником Тартас-1 произошла следующая история. Длительное время площадь, на которой памятник располагался, распахивалась, поэтому верхние слои были потревожены. Кроме того, они были нарушены дорогой — в этом месте проходила трасса Чаны-Венгеро, которая шла прямо по захоронениям. Первые из них нашли, когда собирались тянуть оптоволоконный кабель. С самого начала стало понятно, что памятник этот очень перспективный.

Но мы никогда не узнали бы о таком сосредоточении захоронений, если бы не геофизики Института нефтегазовой геологии и геофизики во главе с академиком М.И. Эповым. Они произвели обширный мониторинг территории и выявили более тысячи погребальных комплексов, которые ещё предстоит исследовать. Раскопки на памятнике ведутся семь полевых сезонов и уже принесли со-

вершенно блестящие результаты. На сегодняшний день на этом памятнике изучено около 400 погребальных комплексов, и я думаю, что к концу полевого сезона (т.е. до октября), мы раскопаем еще не менее 50 захоронений (это вполне можно прогнозировать, ведь мы работаем не вслепую).

Значимость этого памятника заключается в наличии погребальных комплексов самых разных эпох — от ранней бронзы (начало IV тыс. до н.э., когда человек в Западной Сибири только познакомился с металлом) до раннего железного века, т.е. начала I тыс. до н.э.

Так сложилось, что в этом году буквально первые дни работы на памятнике (а мы начали работу в конце мая-начале июня) принесли неожиданный результат. Мы продолжали работу прошлого года, изучали комплекс, который относится примерно к середине III тыс. до н.э. Он принадлежит к так называемой одиночской культуре, которая была распространена на территории в лесостепной зоне Юго-Западной Сибири от Приишимья до Оби. Тартас-1 — третий по счету из найденных могильников этой культуры — дал прекрасные, совершенно не потревоженные комплексы.

Дело в том, что в погребальной практике одиночской культуры была нетипичная традиция, выделяющая её из всех остальных — они не ставили в могилы керамическую посуду или ставили очень редко. Раскапывая поселения, мы находим достаточно много керамики, а вот в погребениях она обычно не использовалась. В настоящее время на территории Барабинской равнины было изучено около 200 захоронений этой культуры, в которых найдено всего три сосуда. Причем до этого находки были какие-то проблемные — или сосуд нецелый, или могила разграблена.

И тут нам неожиданно повезло — мы вышли на великолепно сохранившуюся могилу, в которой нашли более 40 наконечников стрел — целый колчан — и прекрасный сосуд, стоявший на дне могильной ямы и без сомнения принадлежащий данному времени. Обычно я говорю своим студентам, что для археолога порой бывает важнее найти какой-то керамический сосуд или фрагмент сосуда, чем золотую или серебряную высокохудожественную вещь, и находка этого года — яркое тому подтверждение. С научной точки зрения эту находку трудно недооценить — наконец-то поставлены все точки над «!».

Помимо этого, нами в течение двух месяцев было изучено свыше 20 захоронений эпохи бронзы. Я считаю, что мы выполнили свою задачу, даже если больше ничего особенного найдено не будет. Но надеюсь, что самое интересное впереди, и в этом сезоне нас ещё ждут замечательные открытия.

Мы работаем на этом памятнике, с самого начала исповедуя мультидисциплинарный подход, характерный для всего Сибирского отделения. В настоящее время мы очень активно работаем с геофизиками ИНГГ, о чем я уже упоминал, палеогенетиками ИЦиГ СО РАН, с нашими германскими коллегами (Германским археологическим институтом, геофизиками из Мюнхенского центра изучения археологического наследия, с различными университетами Германии в области палеогенетики). Тартас-1 в этом отношении дает исключительно интересный материал, принципиально новую возможность говорить об этногенезе человека в эпоху бронзы. Перспективы памятника привлекают к нему всеобщее внимание.

О «чёрных копателях»

Археолог обычно работает с потревоженными могилами, и большая редкость, когда захоронения доходят до нас в целостности и сохранности — ведь и грабить их начинали, как правило, ещё современники. Но особенно большой вред наука понесла от деятельности бугровщиков — первых русских переселенцев, которые раскапывали курганы в поисках золота. Потом Петр I навел в этом вопросе порядок, предписав: кого за этим делом поймут — бить кнутом и предавать смертной казни. Средство оказалось

очень действенным, и следующая волна нахлынула только сейчас. Современное бугровничество стало настоящим бичом для Европейской части страны, и частично это явление уже докатилось до нас.

Могу сказать следующее: эту волну породил рынок. Почему такого явления почти не существовало в советское время? Были случайные повреждения, когда, например, тракторист по незнанию распахивал курган. А после того, как мы вступили в новый исторический период — капитализм, возник спрос на антиквариат. Даже в салонах Новосибирска вы можете увидеть редкие археологические предметы, не говоря уже о Москве, где они есть в каждом салоне. Вы можете купить совершенно уникальные вещи на Измайловском рынке. И что самое неприятное, часть этих вещей уходит за рубеж. Коллекционеры, как правило, богатые люди, многие из которых вкладывают в эти вещи свой капитал, — ведь не секрет, что ценность подобных предметов не падает и с годами может только расти.

Наше законодательство предусматривает административную и даже уголовную ответственность за нарушение памятника археологии, но я не знаю ни одного случая, когда кто-то понес бы уголовную ответственность. Закон хороший, но, к сожалению, не работает.

Причем в нем есть лазейка — поиски кладов. Закон не запрещает искать клад, поэтому даже если вы поймаете такого копателя на месте, доказать его предпринятые действия будет очень сложно, особенно если этот человек хоть немного юридически подкован. Существует масса предприятий, изготавливающих очень чувствительные металлодетекторы, рекламу которых можно встретить даже в научной популярной журнале. Эти приборы позволяют обнаружить металл на достаточно большой глубине. Вы задумывались, почему так долго ведутся раскопки профессиональными археологами? Осторожно и тщательно, чтобы ничего не повредить, вскрывается слой за слоем, просеиваются вручную тонны земли. Сейчас на Тартасе вскрыто порядка 9 тыс. кв. метров, все это происходило на протяжении семи сезонов. «Чёрные археологи» действуют по другому — они точно делают шурф в том месте, где обнаруживают металл, нарушая при этом всё, что только можно нарушить. Я думаю, нужно не только совершенствовать закон, касающийся кладоискательства, но и усложнить покупку подобных детекторов. В противном случае уследить за процессом будет очень сложно. В стране есть органы, занимающиеся этими вопросами, но они очень слабы и их деятельность ни в коей мере не способна обезопасить археологические памятники.

Спасти всё, что можно

Археологи традиционно ведут активные работы в зоне новостроек. Например, сейчас в зоне затопления Богучанской ГЭС работает порядка 40 археологических отрядов, свыше тысячи человек. К сожалению, два года у нас прошли совершенно неэффективно, но не по нашей вине — мы получили деньги очень поздно, в августе, а в конце сентября на Ангаре обычно выпадает снег. В этом году ситуация поправилась — мы начали работу в мае, и в запасе у нас было почти полгода. Если увеличат финансирование, мы сможем увеличить и объем работ. Наиболее яркие памятники обязательно исследуем. Но ведь дело в том, что археология — такая наука, в которой заранее бывает сложно прогнозировать результат. Порой не знаешь, что найдешь. В этом году нами были открыты три палеолитических объекта, ранее неизвестных — верхние культурные слои были голоценовые, а при раскопках наткнулись на палеолит. Эти слои обязательно нужно изучить, потому что палеолит — достаточно редкое для Сибири явление. Могу заверить читателей, что со стороны научного сообщества для этого делается всё возможное.